

Терра Поэзия

Сергей Трунев
Михаил Свищёв
Рафаэль Мовсесян
Артем Носков

Сергей Трунев

сын возвратился из школы и сразу давай умничать
как бы доказывая, что их там чему-то учат
знаешь, говорит, в австралии есть животные сумчатые
знаю, говорю, даже тамошний бог сумчат

это у нас, говорю, в березняках да ельниках
в вывернутых тулупах бродят порой медведи
слышал ли ты историю про одноногого мельника
сын промолчал, как бы принял к сведению

это у нас, говорю, овес завсегда прорастает в печени
а огоньки на погостах теплятся злыми духами
кот на дубу сладко мурлычет срамные речи
сонму зверей вещает сказки для лопоухих

дым из печной трубы поднимается в ноздри боговы
сталь раскаленная не оставляет на коже отметин
я здесь живу, лет десять не обновляя логова
может, и хорошо, что ты этого вовремя не заметил

но самые страшные звери бабочки и мокрицы
бабочки крыльями бьют, вызывая приступы страха
те же, вторые, крадутся к тем, кто еще не успел родиться
и выгрызают дыры в радужных детских снах

г. Саратов

М и х а и л С в и ш е в

•

Мне шесть. Я люблю измерять высоту
свою, размышляя: когда подрасту,
то стану нормального роста
солдатом на лошади взрослым,

матросом, большим, как военный парад,
не то Робинзоном, что в два топора
корабль срубил из платана,
старинным морским капитаном —

душою команды, которую в ряд
развесит на реях кровавый пират,
пиратом с трубою подзорной,
а стану мужчиной за сорок.

МУМУ

А мы за причалом минуем причал,
Гребки тяжелы и неловки,
Две жизни похожи, как два кирпича
На дне прохудившейся лодки.

Молчат в глубине голубые язи,
Танцуют пьянчужки на пляже,
Вода не вино — не развяжет язык,
Простого узла не развяжет.

Везде тишина — что погост, что вокзал;
Не знающий бабьего тела
Мужик мужикам ничего не сказал —
Мужик развернулся и сделал.

За чаем усядусь, белесый, как мел,
Ладони положат на плечи
И спросят — от горя, поди, онемел?
А я чуть не вспомнил дар речи,

А вспомнил, как раньше, на голову глух,
невнятно, грешно и убого
одну лишь тебя звал по имени вслух,
тебя — и по всеобщим Бога...

Немые коровы плетутся с лугов,
Щенок заливаётся куцый,
Два слога похожи, как пара кругов,
Что молча сейчас разойдутся.

г. Москва

Разрыв Мовсесян

●

в бумажном городе опять идут дожди,
и здания становятся прозрачней.
бумажная машина новобрачных
не успевает в ресторан к шести.

никто не курит. рвутся фонари
и уши пса от ветра у подъезда.
и не находят почтальоны места,
где на стене висят календари.

на лицах размываются черты,
текут глаза и волосы прохожих.
чернила все становятся дороже,
уже не заменяя пустоты.

отчаявшийся ищет в рюкзаке
нож для бумаги. не находит. после,
считая, что бумагой быть несносно,
он вешается в книге на строке.

и в зоопарке звери по углам
сидят, зевая ртом своим бумажным,
как будто в клетках не настолько важно,
что время тоже платит по счетам.

и я гляжу на порванный навес,
что давеча был назван синим небом.
и мокнет у подъезда мякиш хлеба,
и пес безухий мчится в мокрый лес.

ОПРАВДАНИЕ

лесные чудища ведут меня домой:
они меня всю ночь поили.
«давай», — твердили. — «выпьем по одной
за Бродского, за Пастернака или

за Баратынского». а после — болтовня:
«Аид отжал у жизни Персефону».
я говорил им, что меня жена
назавтра вместе с книжками из дому

пошлет куда подальше. но, увы,
они меня и слушать не хотели.
я спотыкаюсь о конец строфы
и падаю на краешек постели.

г. Ереван

Арте́м Но́сков

•

Деревенский дурачок
Весел, молчалив.
В лужу смотрит, на бочок
Голову склонив.
Тень седого жеребца
Подперла забор.
Гений мочится с крыльца,
Выводя узор.
Ветер ищет в поплавке
На зиму приют.
Пену тащит по реке,
Словно простыню.
Ковыляет осень, лед
В воду уронив.
Возле лужи молча ждет
Дурачок прилив.

•

Под блеском желтой капеллины
Сухой зрачок конкистадора
Все ищет новой Магдалины
Среди панамского простора.

И Дульсиня тихо плачет,
Зовет назад аделантадо,
И повисают тени мачет
На крепких гроздьях винограда.

Идальго жив, но страсти сует
Его манят куда сильнее.
А Дульсиня существует,
Чтоб оставаться Дульсинеей.

г. Екатеринбург